

НИКОЛАЙ

ЧУКОВСКИЙ

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Рисунки худ. ШТЕРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Д. 31. Гиз № 28176/ л.
Ленинградский Областлит № 17697.
3³/₄ л. Тираж 15 000.

БЕЛЫЙ ПЕС

У железной решетки сада Валя и Костя остановились.

— Сад закрыт, — сказал Костя. — Там никого нет.

Он просунул лицо между прутьями решетки. Сад был одет бледно-зеленым дымом — это набухали и распускались почки. Ветер гонял сухие листья по прошлогодней черно-желтой траве. Орала грачи. В огромном саду не видно было ни души.

Вале стало грустно.

— Пойдем домой, — проговорил он. — Нас не впустят. В саду идет уборка — поэтому его закрыли. А сегодня воскресенье и там никого нет. Покататься на плоту мы всегда успеем.

Но Косте не хотелось уходить.

— Лезем через забор, — сказал он. — Сторож нас не заметит. Сейчас у пруда пусто и нам никто не помешает отвязать плот. Не трусь, Валя, ведь ты матрос!

У Вали, действительно, была круглая матросская шапка с черной лентой и золотой надписью — «Громобой».

Он вспомнил о ней и сказал:

— Хорошо... Лезем!

Костя в одну минуту оказался на заборе. Неуклюжий Валя долго пытался и кряхтел, втаскивая туловище на верхнюю перекладину решетки. Взобравшись, он осторожно провел рукой по спине, боясь, как бы его курточка не зацепилась за острие. Но все обошлось благополучно.

Мальчики сидели на заборе, поджав под себя ноги. Они всматривались и вслушивались в просторную пустоту сада. Их глаза перебегали от краешка пруда, блестящего между ивами, к домику с зеленой крышей, в котором жил сторож.

— Он нас увидит через окно, — сказал Валя.

— Его нет дома, — ответил Костя. — Собаки не видно возле будки. Значит, он снял ее с цепи и увел с собою. Сегодня воскресенье, станет он дома сидеть.

И, помолчав прибавил:

— Прыгай!

Костя прыгнул. Валя тоже. Оба упали ничком и к их коленкам и ладоням прилипли мокрые листья. Вскочив, они осторожно побежали вперед, нагибаясь, как индейцы. Нужно было держаться подальше от домика сторожа, и они вскочили на узкую дорожку, покрытую черными лужами. Толстые стволы лип и кленов мелькали по сторонам. Дорожка извивалась.

Беседка, где летом продают лотерейные билеты, осталась позади. Деревянный мостик через канавку гулко загредел под башмаками. Валя запыхался и стал отставать. Он закричал вдогонку убегающему Косте:

— А ты помнишь, где мы спрятали багор?

Но вместо того, чтобы ответить, Костя вдруг прыгнул в сторону, в кусты. Он отчаянно замахал Вале рукой, делая самые страшные рожи. Валя кинулся за ним.

— Что случилось? — спросил он.

— Тихе! — зашипел Костя. — Нагни голову!

— Что случилось?

— Сторож!

— Где?

— Он идет нам навстречу! С собакой...

Валя осторожно высунул голову на дорожку. Действительно, сторож, бородатый, седой, в высоких сапогах шагал за поворотом дорожки. Он был ясно виден между голыми стволами деревьев. За плечами у него было ружье, а перед ним бежал большой белый пес с болтающимися ушами, низко пригнув морду к земле.

— Он тебя видел? — спросил Валя.

— Нет! Он глядел себе под ноги.

— Но ведь он пройдет возле нас.

— Не увидит. Здесь кусты... Только сиди тихо!

— А собака?

Да, верно. От собаки так просто не скроешься.

Костя понимал это. У собаки нюх. И бежит она не по дорожке, а свернет то в одну сторону, то в другую. Она непременно залезет в кусты.

— Бежим! — сказал Костя.

И сорвался с места. Мальчишки снова бежали по гнилым листьям, под горку. Прутья кустов задевали их за штаны. Костя вдруг почувствовал под башмаком липкую глину, поскользнулся и кубарем скатился в яму на серый талый снег.

Рядом с ним растянулся Валя.

— Здесь хорошо, — сказал Костя. — Тут нас никто не увидит!

Он поднялся на ноги и выглянул из ямы. Сторож проходил совсем близко. Он курил, и синий махорочный дым тянулся за ним лентой. Впереди бежал пес.

— Двухствольная, — сказал Костя, разглядывая ружье.

Он совсем уже был уверен, что сторож пройдет мимо и их не заметит.

Вдруг пес прыгнул в сторону и, мотая ушами, побежал в кусты. Вот он на том самом месте, где за минуту до этого сидели Валя и Костя. Он медленно шел вперед, водя широкой мордой по земле, изредка останавливаясь и роя землю лапами.

— Он идет к нам, — мрачно сказал Костя.

— Может быть, он нас не увидит, — нерешительно прошептал Валя.

— Он знает, где мы, — ответил Костя. — У него нюх. Здоровенный псина!

Губы у Кости посинели. Валя открыл рот и сел на мокрый снег.

Пес бежал не прямо, а большими зигзагами. Иногда казалось, что он пробежит мимо ямы, не заметив. Но всякий раз он возвращался на верный путь. Шея у него была толще морды, и от этого он казался еще страшнее.

— Он сейчас будет здесь, — сказал Костя и нагнул голову.

Добежав до края ямы, пес остановился и несколько секунд не отрываясь глядел на мальчиков. Потом вдруг проглотил соломинку, торчавшую перед его носом, и оглушительно залаял.

— Ну, ты! Ну, ты! — сдавленным голосом говорил ему Костя, махая перед собой рукою.

Валя сидел на снегу, съежившись, бледный и тоскливый.

Пес лаял все громче и громче, то отскакивая от ямы, то подскакивая к ней. Костя все ждал, что вот-вот он прыгнет и укусит. Но нет, он не прыгал, он только лаял и мало-по-малу обходил яму кругом. Мальчики все время поворачивались к нему лицом, боясь, как бы он не оказался у них за спиною. У них звенело в ушах от свирепого лая.

И вдруг в глину возле собаки шлепнулся круглый камешек. Это было так неожиданно, что пес опешил и замолк. Впрочем, он сразу забыл о камешке и снова залился лаем, еще яростнее прыгая вокруг ямы. Но тут через яму перелетел второй камешек и с такой

силой ударил пса в спину, что тот был сбит с ног и упал.

Трудно сказать, кто больше был этим поражен — мальчики или сам пес. Он жалобно взвизгнул, вскочил на ноги и вдруг спрыгнул вниз, в яму, забрызгав Валою и Костю грязью. Но в яме он не задержался ни на секунду. Он выскочил из нее с другой стороны и закружился вокруг толстой осины, лая и воя.

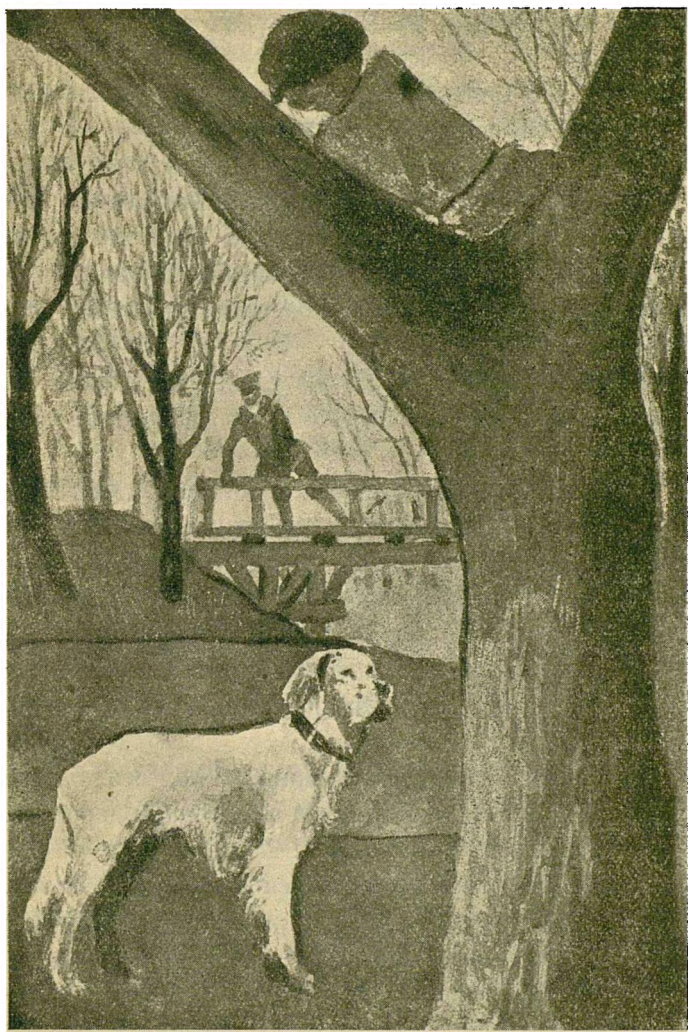
Костя и Валя подняли головы. На суку осины сидел мальчишка. Он засунул руки в карман, вытащил оттуда третий камешек и швырнул его в осатанелого пса. Пес вывернулся из-под удара, камешек подпрыгнул и упал на траву.

Мальчик был бос. Парусиновые брюки его были прорваны и колени торчали наружу. Голое тело белело сквозь огромную дыру на рубашке. Злобные глазки поблескивали на черном от грязи лице. Но страшнее всего было его левое ухо — распухшее, оттопыренное, разорванное пополам, так что мочка отвисла и болталась словно серьга.

Сторож прошел уже довольно далеко по дорожке, потом вдруг остановился и свистнул. Пес взглянул на него и еще яростнее забегал вокруг осины, продолжая лаять.

— Барсик! Барсик! — кричал сторож, но собака не отходила от осины.

Тогда сторож повернулся и направился сквозь кусты к своему псу. Он прошел мимо самой ямы, но

не заметил Кости и Вали, потому что смотрел вверх, на осину.

— А! Ты опять здесь! — закричал он мальчишке. — Я ваше гнездо знаю! Убью!!

— Сейчас он будет стрелять! — прошептал Валя.

Но вместо того, чтобы снять с плеча ружье, сторож нагнулся и поднял с земли длинный прут. Подойдя к осине вплотную, он стал легонько колоть мальчишку концом прута, под радостный лай озверевшей собаки.

Мальчишка не сказал ни слова, но попытался поймать прут рукой. Тогда сторож ударил его прутом по руке.

Мальчишка спрыгнул с осины перед самым носом собаки. Быстро-быстро побежал он через заросли под горку. Его рваное ухо болталось на бегу. Пес сначала опешил, но через мгновение пустился за ним вдогонку. Пес бежал быстрее мальчишки, но когда расстояние между ними становилось слишком маленьким, мальчишка подымал с земли камень и запускал его в пса.

Сторож свистнул. Мальчишка убегал все дальше и дальше и уже едва был виден за стволами деревьев. Пес преследовал его по пятам. Сторож свистнул еще раз. Пес неохотно остановился и побежал назад. Подбежав к сторожу, он подпрыгнул и лизнул его в лицо. Мальчишка исчез.

Сторож и пес спокойно пошли по дорожке к домику.

— Хорошо, что он нас не заметил, — сказал Валя, когда они скрылись из виду.

— Теперь нам нечего бояться! — воскликнул Костя, выскакивая из ямы и радостно потягиваясь. — Бежим!

И мальчики побежали.

Перед ними был узкий длинный пруд. Висячие ветви ив и ракит, покрытые бледно-зелеными почками, склонялись над самой водой. В воде отражались весенние рваные облака и изменчивые лоскутки синего неба. Возле берега стоял маленький четырехугольный плот, привязанный к раките веревкой.

Костя спустился к нему и попытался развязать веревку. Но крепкие узлы выскользывали из-под пальцев.

— На нож, — сказал Валя и кинул Косте с откоса перочинный ножик. — Где багор?

— Я сейчас его принесу, — ответил Костя, разрезав веревку. — Он под мостом.

И вскочив, побежал к мостику, переброшенному через пруд.

Валя спустился на плот. Доски закачались у него под ногами. Плот слегка накренился и Валя башмак оказался до половины в воде. Валя прыгнул на самую середину плота и замер, стараясь не потерять равновесия.

До мостика оставалось всего несколько шагов, как вдруг Костя увидел перед собой того самого мальчишку с рваным ухом, который недавно убегал от

собаки сторожа. Мальчишка сидел на траве, поджав под себя грязные босые ноги. Когда Костя поровнялся с ним, он встал, хмуро глядя Косте в лицо, и сказал:

— Морда! Что ты делаешь в нашем саду?

ПОЕДИНОК

Костя остановился, пораженный.

Он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл этот сад своим. Сад был общий. Он принадлежал всем людям. Но сейчас сад был закрыт, и ни мальчишка с рваным ухом, ни Костя не имели права гулять в нем.

— Как ты смеешь шляться в нашем саду? — спросил оборвыш и сделал шаг навстречу Косте.

Глаза его блестели злобно и дико. Он был, пожалуй, страшнее собаки. Косте не хотелось с ним связываться. Уйти? Но не может же он уйти без багра из-за какого-то мальчишки. Вон там, за ракетами, Валя... Крикнуть его, что ли? Нет, не стоит! Валя подумает, что он трус.

И Костя попрежнему стоял и молчал, глядя в лицо мальчишке.

— Убирайся! — крикнул оборвыш, делая еще один шаг вперед.

— Сам убирайся! — ответил Костя, не двигаясь с места.

Мальчишка подошел к Косте вплотную. Они не отрываясь глядели друг другу в глаза. Костя чувство-

вал, что стоит ему мигнуть или вздрогнуть — и мальчишка ударит его. Но молчание стало для Кости невыносимым.

— Отстань, — сказал он. — Я к тебе не лезу!

И в ту же секунду мальчишка размахнулся и, прежде чем Костя успел опомниться, ударил его кулаком по зубам.

Костя едва удержался на ногах и почувствовал во рту сладковатую кровь, которая текла из разбитой губы. Кепка его упала на землю.

— Гы! — ухмыльнулся мальчишка.

Костино сердце забилося, голова замутилась от слепой ярости. Он кинулся вперед, быстро и часто размахивая кулаками. Мальчишка снова несколько раз ударил его, но Костя был нечувствителен к боли. Он махал кулаками, как мельница. Мальчишка выставил вперед руки, защищаясь, и все Костины удары приходились по рукам. Но Костя бил так часто и так сильно, что мальчишкины руки, покрытые синяками, мало-по малу повисали и отказывались служить. Изредка мальчишке удавалось нанести удар Косте то в грудь, то в лицо. Но Костя не замечал этого. Он бил, бил, бил, упорно наседавая на своего врага. Мальчишка медленно пятился задом. Так они кружились по траве, пыхтя и сопя.

Валя долго стоял на плоту, ожидая Костю. Черная ленточка матросской шапочки шевелилась от ветра и щекотала Валью за ухом. Вот сейчас они поплывут по извилистому пруду туда, где пруд ста

новится широким, и посетят необитаемый островок. Валя чувствовал себя настоящим моряком. Но где же Костя? Отчего он не идет? Валя нетерпеливо старался разглядеть что-нибудь за густыми прутьями ракиты. Наконец, он не выдержал, прыгнул на землю и побежал вверх по откосу.

Тут только он увидел дерущихся мальчиков.

Валя был хороший товарищ и никогда не оставлял друзей в беде. Он со всех ног пустился к мостику, возле которого происходила битва. На минуту он остановился, поднял с земли кривую палку и побежал дальше.

В это время было уже ясно, что победителем останется Костя. Мальчишка отступал. Он даже не защищался и только нагнул голову, чтобы уберечь лицо от сыплющихся, как град, костиных ударов. Увидев приближающегося Валу, Костя прохрипел, задыхаясь:

— Не лезь! Я с ним сам справлюсь...

Валя остановился, на всякий случай угрожающе подняв палку.

— Ты его сбоку! Сбоку ударь! — кричал он Косте. — Не бойся! Так его!!

Костя послушался и ударил мальчишку сбоку по голове, над разорванным ухом. Мальчишка упал и покатился по откосу к пруду. Возле самой воды он зацепился за кусты и остался лежать на спине, лицом к небу.

— Он первый ко мне полез, — сказал Костя,

обращая к Вале сияющее потное лицо и глотая кровь, которая текла из разбитой губы.

Он никак не мог отдышаться.

Валя нагнулся, поднял костину кепку, сбитую во время драки, и подал ее Косте.

— Я гораздо сильнее его! — продолжал Костя, ликуя. — Я как дал ему, он и покатился! — вспомнил он о своем последнем ударе. — Не лезь!

— Жаль, что меня не было здесь с самого начала, — завистливо сказал Валя. — Почему ты меня не позвал?

— Я знал, что справлюсь с ним один.

Мальчишка, лежавший в кустах возле воды, зашевелился. Он сел и вытер окровавленное лицо рукавом своей рваной рубахи. Потом встал и медленно зашагал по откосу. Выбравшись наверх, он остановился шагах в десяти от Кости и Вали и крикнул:

— Подождите! Вы еще получите, чортовы дети!

Валя махнул в его сторону палкой, Костя громко рассмеялся.

Мальчишка повернулся и побрел вглубь сада. Косте было немного жаль его.

ПО МОРЯМ

Костя залез под мостик и довольно долго копошился там среди темных гнилых бревен. Наконец, он вылез из-под моста, держа в руках багор — длинную палку с изогнутым гвоздем на конце.

— Мы сегодня должны непременно выехать на

большой пруд, — сказал Валя, спускаясь вместе с Костей к плоту.

— А вдруг плот не пройдет под мостом? — заметил Костя.

— Пройдет! — уверенно сказал Валя, прыгая на самую середину плота. — Осторожней, осторожней! — закричал он Косте.

Но Костя уже ступил на край плота, плот нагнулся и костин башмак зачерпнул воды. Костя прыгнул на сухой край плота, но тот сразу же ушел вниз и был залит водой. Валя с трудом удерживался на ногах и размахивал руками, стараясь не оступиться, пока Костя прыгал с одного конца на другой. Наконец, равновесие было найдено. Костя стоял на самой передней части плота, Валя на самой задней. Но стоило им сделать всего один шаг, или даже просто нагнуться — и плот начинало заливать.

— Дай мне багёр, — сказал Валя. — Я стою на корме и мне легче отталкиваться.

— Плот сейчас повернется и корма будет с моей стороны, — ответил Костя.

Но Вале хотелось поработать багром.

— Я матрос, — сказал он, дергая себя за ленточку, висящую с его матросской шапочки. — А на кораблях всю работу делают матросы.

— А я кто? — спросил Костя, не отдавая багра.

— Ты? — Валя задумался. — Ты пассажир.

— Нет, я капитан! Я буду командовать, а ты дол-

жен меня слушаться. Ты будешь работать, а я приказывать.

Валя согласился и получил драгоценный багор. Он осторожно коснулся им земли и оттолкнул плот от берега. Плот поплыл. Длинные прутья ракиты нежно стегнули мальчиков по щекам.

— Советский крейсер «Буденный» выходит в кругосветное плавание, — сказал Валя.

— Ура! — закричал Костя. — «Буденный» выходит в кругосветное плавание!

Валя робко опускал багор в воду, стараясь не нагибаться, чтобы не перевернуть плот. Они выплыли из-за ракиты и им стал виден мостик. В этом месте пруд был очень узок и Валя мог дотянуться багром до любого из его берегов.

— Держи на мостик! — приказал Костя.

Валя и сам собирался ехать к мостику. Поэтому он ничего не ответил.

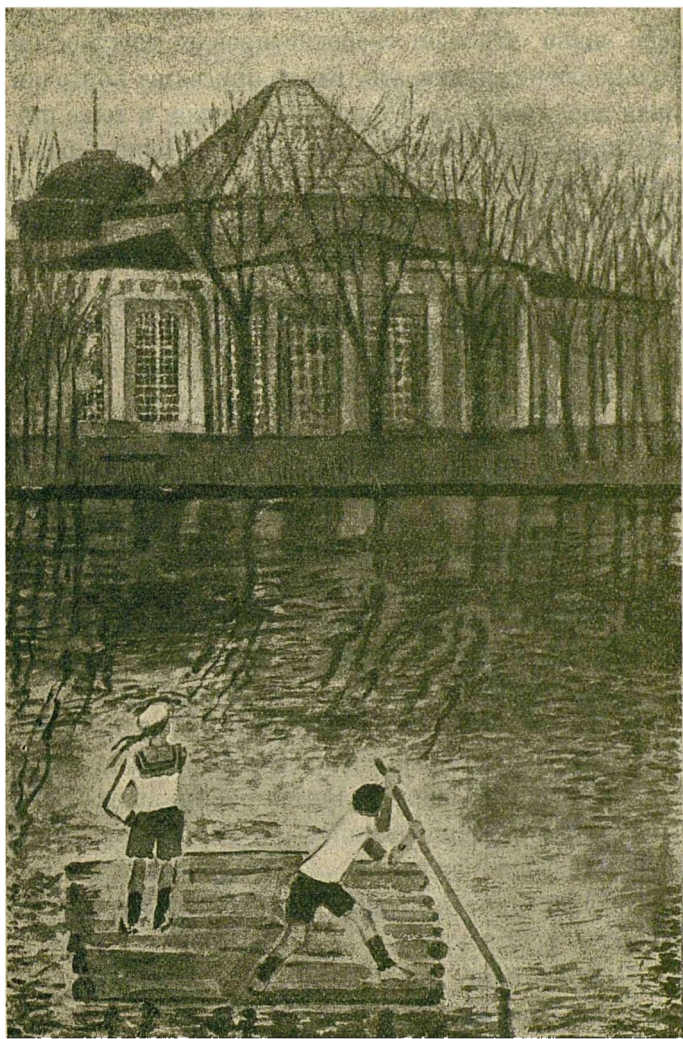
— Когда я тебе приказываю, ты должен отвечать: есть, капитан! — потребовал Костя.

— Есть, капитан, — сказал Валя.

Берега медленно плыли мимо них. Багор вытаскивал со дна комья черной прошлогодней тины. Весна была еще ранняя, и в воде, так густо населенной летом, не было еще ни одного живого существа. Дул ветерок. Солнце глянуло в облачное окошко и весь сад затрепетал, озаренный.

— Держи к самой середине моста, — сказал Костя.

— Есть, капитан!

У Вали лицо напряглось от усердия. Было уже ясно видно, что плот свободно пройдет под мостом. Только бы не сплеховать. Костя присел на корточки. Валя последний раз оттолкнулся багром и тоже присел, предоставив плоту идти самому. Черные балки поплыли у них над головами. Валя хлопнул рукою по старой свае и ладонь его покрылась зеленой слизью.

— Крейсер выходит в океан! — закричал Костя, первый вынырнувший из-под моста.

За мостом пруд расширился, берега, заросшие кружевными от набухших почек ивами, расходились в разные стороны. Это и был «океан». Посреди «океана» возвышался крохотный искусственный островок, утыканный прутьями вербы. За островком, за проливом, на другом берегу пруда, ослепительно блестели на солнце перебитые стекла пустующей оранжереи. Кругом нее теснились остекленные парники, казавшиеся издали сверкающими лужицами.

— Держи на остров! — приказал Костя.

Валя выпрямился и торопливо окунул багор в воду. Мостик уменьшался на глазах, словно порванный воздушный шарик. Ветер рябил воду. Багор с каждым разом погружался все глубже и глубже. Валя стал осторожнее.

Он уже старался совсем не нагибаться, опуская багор.

— Здесь нам с головой будет, — сказал он сдавленным голосом.

Костя глядел вперед.

— Необитаемый остров, — проговорил он. — Мы первые открыли его.

Опять стало мельче. С островка сорвалась стайка воробьев и умчалась за оранжерею.

— Мы должны дать ему название, — сказал Валя, оглядываясь. — Все путешественники так делают. Откроют остров и назовут. Это великая честь.

— А как же его назвать?

Валя задумался, опустив багор в воду.

— Назовем его Костевалинск, — предложил он. — Это наши имена — Костя и Валя. Путешественники всегда так делают.

— Ура! Костевалинск! — завопил Костя, прыгая на островок и скача между вербных прутьев. — Приехали!

— Советский крейсер «Буденный» после длинного и трудного перехода вошел в удобную гавань на необитаемом острове Костевалинске, — сказал Валя, выходя на берег.

Оба мальчика рассмеялись от счастья. Они пошли вокруг острова, с трудом продираясь между кустов. Весь остров был завален корягами и гнилушками, принесенными сюда ранней весной, когда вода стояла в пруду высоко и заливала остров. Костя вскочил на какое-то толстое бревно и оно рассыпалось под ним в труху.

Выйдя на другую сторону острова, они стали разглядывать оранжерею.

— Кто там живет? — спросил Валя.

— Никто, — ответил Костя. — И никогда там никого не бывает.

— А нельзя туда пройти из сада?

— Нет, нельзя. Между оранжереей и садом высокий деревянный забор. Только через пруд можно пробраться туда.

— Так едем! — закричал Валя. — Это будет еще одна неизвестная земля, которую откроет крейсер «Буденный».

Мальчики вернулись к плоту. Валя оттолкнулся багром и плот снова двинулся в путь. Они медленно плыли вдоль острова, постепенно огибая его.

— Мы разведем за оранжереей костер! — сказал Валя. — Там его никто не заметит.

— Скорей! Скорей! — кричал Костя, которому скучно было стоять без дела.

Вдруг что-то пролетело над их головами по воздуху, упало на остров и исчезло между кустов.

— Что это? — спросил Валя.

— Кажется, птица, — ответил Костя.

Но тут круглый камешек упал на плот, стукнул, подпрыгнул и шлепнулся в воду. Валя и Костя взглянули на берег. Там, в саду, на откосе, под раkitами, стояли три оборванца. Одного из них Костя мигом узнал по отвислому уху. Это был тот самый мальчишка, которого он побил полчаса тому назад. Вислоухий доставал из кармана камешки и швырял их в плот. Два других — один черненький,

низенький, другой грузный и рыжий — спокойно разглядывали Костю и Ваю.

— Крейсер под обстрелом! — закричал Костя. — Держи на остров!

Но Валя, и не дожидаясь приказаний, уже торопливо тыкал багром в дно. В воду вокруг плота сыпались камни, оставляя на поверхности большие круги. До островка было всего несколько шагов. Плот с силой ударился о берег.

На островке мальчики почувствовали себя в безопасности. Нельзя швырять камни на такое большое расстояние и надеяться попасть. Редкий-редкий камешек грохался в вербные кусты, большинство шлепалось в воду, не долетая до острова.

— Мы заперты, — сказал Валя. — Придется нам сидеть на Костевалинке и ждать, когда они уйдут.

Но костины глаза блестели. Он рвался в бой. Недавняя победа над Вислоухим сделала его самоуверенным.

— Я не останусь на этом поганом острове, — сказал он. — Мы должны напасть на них. Я его так отдую, что он родную мать забудет.

Валя улыбнулся, представив себе Вислоухого, который встречается с родной матерью и не узнает ее. Но все же план Кости показался ему чересчур смелым.

— Их трое, — сказал он.

— А у нас есть багор, — ответил Костя. — Нам

бы только на берег выбраться, а там мы им покажем!

— У них камни, — пробормотал Валя, все еще не вполне убежденный.

— А у нас разве нет камней?

Действительно, на Костевалинске было множество круглых камешков.

— Навалим камней на плот и едем, — продолжал Костя.

— Но... — начал было Валя.

— Трус! — крикнул Костя. — Оставайся! Я поеду один.

Вале стало стыдно.

— Нет, что ты, что ты! Я тоже поеду! Я не трушу...

— Собирай камни, — приказал Костя.

Вислоухий перестал швыряться камнями. Он вместе с двумя своими товарищами молча стоял на откосе и не спускал глаз с острова. Костя и Валя шарили в песке под вербами, выбирали кругляши и складывали их по середине плота. Когда на плоту выросла порядочная кучка, Костя напихал камней в карман и прошептал:

— Едем!

Валя послушно взял багор и вскочил на плот вслед за другом. Снова плот отвалил от острова.

— Крейсер «Буденный» направился к месту военных действий! — закричал Костя.

Увидев, что плот плывет к берегу, оборвыши ползли вверх по склону.

— Ура! Они удирают! — завопил Костя.

Валя тоже воспрянул духом и торопливее заработал шестом. Но оборванцы и не думали удирать. Выбравшись на дорожку, которая шла вокруг пруда, они остановились и стали собирать камни.

Неустойчивый маленький плотик все время шатался. Вода заливала башмаки мальчиков. Но они забыли о всякой осторожности и неслись во весь дух.

Плот был уже на полдороге от берега, когда первый вражеский камешек упал в воду возле самого Валиного шеста.

— Не трусь, Валька, — прошептал Костя, замахиваясь камнем. — Мы сейчас высадимся и им покажем.

Но в эту минуту Вислоухий размахнулся, швырнул еще один камень и попал Косте в голову над правой бровью. Костя закачался и облокотился о валино плечо. Плот накренился. Камешки, сложенные посередине плота, посыпались в воду. Валя почувствовал, что ноги его скользят и потерял равновесие.

Крейсер «Буденный» нагнулся, скинул с себя обоих мальчиков, и снова выпрямился.

РОБИНЗОН

Берег, остров, мостик, — все взлетело кверху и покосилось в валиных глазах.

«Сейчас я буду в воде», успел подумать он и сра-

Ву же зеленая пелена скрыла от него и берег, и остров, и мостик.

Холод охватил его со всех сторон, холод сжал его бока, грудь, спину.

Валя барахтался, стараясь вырваться на поверхность. Но башмаки тянули его вниз. Он продолжал биться и вот наконец перед ним на мгновение снова возникли низкие вербы островка. Он успел вздохнуть только один раз и опять погрузился с головой.

Так долго барахтался он, то вырываясь из воды, то погружаясь снова. С каждым разом ему было все труднее высунуть лицо на поверхность, но с каждым разом остров становился все ближе и ближе. Обессиленный, полузадохшийся, он опускался, едва шевеля руками. Ноги его коснулись липкой глины.

Он побежал вперед и, почти ничего не сознавая, чувствовал, что дно ведет его наверх.

И голова его снова оказалась над водой. В какой-нибудь сажени перед ним находился остров.

Он остановился и несколько секунд громко дышал. Потом побежал, скользя и падая. Становилось все мельче и мельче. Он шел, разбрызгивая воду, и, выйдя на островок, грохнулся, подминая под себя гибкие прутья вербы.

Он лежал лицом к небу и невидящим взором смотрел на воробья, который сидел на верхушке вербы и чистил перышки. Тучи разошлись и вечернее солнце озаряло островок розовым светом.

Валя очнулся, почувствовав, что холодно. Он

дрожал мелкой дрожью. Ноги его затекли, ему хотелось разуться, но он долго не мог заставить себя пошевелиться. Вода ледяными струйками текла по его груди. Матросская шапочка превратилась в тяжелый блин, плотно прилипший к волосам.

Наконец, Валя заставил себя сесть. Первым делом он освободился от шапочки. Потом расшнуровал ботинки, снял их и вылил из них воду. Скинув курточку и бросив ее в кусты, он снял рубашку. С рубашки капала вода. Он скрутил ее и выжал.

Тогда ему захотелось вытереть грудь и спину. В кустах он нашел кучку прошлогодних листьев, успевших уже высохнуть. Он взял их полной горстью и тер ими себя до тех пор, пока ему не стало теплее. Немного согревшись, он вылез из кустов и осмотрел пруд.

Берега пруда были пусты. И Костя, и три оборвыша исчезли бесследно. Одни только ивы и ракиты отражались в спокойной воде. Взглянув на эту пустыню, трудно было представить себе, что еще так недавно здесь кипела жаркая битва, летали камни, плавали крейсера.

Он стянул с ног чулки и побежал вокруг острова в одних штанишках, прилипших к телу. Вот оранжевая с багровыми от заходящего солнца стеклами. Валя на мгновение остановился. Здесь было так же пусто. Между берегом и островом спала темная вода.

Вернувшись на старое место, Валя увидел плот, который лежал на поверхности воды в двух-трех

саженях от островка. Одинокий камешек, не успевший свалиться, застрял между его досками.

Ворона, тяжело хлопая крыльями, пролетела низко над водой и опустилась на плот. Вале показалось, что плот медленно движется. А вдруг его, в конце концов, прибьет к островку? Тогда Валя доберется до берега и без багра. Он сел на землю и стал следить за плотом.

Ворона ходила по доскам, качая головой. Дойдя до края плота, она стала к Вале боком, пристально глядя на него одним глазком. Ветер улегся, стало тихо-тихо. Вдалеке прогремыхал трамвай, идущий мимо сада. Вале мучительно захотелось быть на улице среди людей, домов, трамваев. О, если бы плот принесло течением к острову! Валя мигом добрался бы до берега и через десять минут был бы дома.

Плот действительно двигался. Но теперь Валя ясно видел, что его медленно относит от острова к берегу. Валя вскочил, поднял с земли камень и швырнул в ворону. Ворона сорвалась с плота, пролетела низко над водой и опустилась на берегу.

Стекла оранжереи потухли, начались долгие весенние сумерки. Валя, почти голый, снова стал зябнуть. Он не мог больше сидеть, сложа руки. Ему пришло в голову развести костер. В кармане его куртки были спички. Он достал коробок и из него вылилось несколько капель воды. Спички совсем отмокли. С некоторых из них даже слезла сера.

«Ничего, я их высушу», подумал Валя,

Он разложил их на большом плоском камне и сел рядом, прижимая озябшие голые локти к бокам. Подождав немного, он стал дуть на спички, чтобы они скорее высохли. Но спички сохли слишком медленно.

Тогда он вскочил и стал прыгать, стараясь согреться. Зубы его стучали. Он читал, что дикари добывают огонь, вышибая искры из камня. Он очистил плоский камень от мокрых спичек и положил на их место сухих прошлогодних листьев. Потом с ожесточением стал швырять в камень булыжниками.

— Бух! бух! бух! — ухали булыжники и, грохоча, отскакивали в сторону.

Валя опять подбирал их и снова швырял, напрягая все силы. Многие из них трескались и раскалывались пополам. Но искр не получалось и сухие листья не вспыхивали.

«Дикари выбивают огонь из кремней», вспомнил Валя. «Простые камни для этого не годятся. Но как отличишь кремень от простого камня?»

Ему казалось, что кремень темнее. Он стал подбирать темные булыжники и набрал их целую кучу. Напрягая все силы, швырял он их в плоский камень. Но темные булыжники раскалывались пополам и оказывались внутри светлыми.

Валя, уставший и запыхавшийся, сел на песок. Швыряние камней согрело его.

Над потухшей оранжереей зажглись первые бледные звезды, а за садом, за деревьями, все еще

догорал закат. Вале хотелось домой. Он проголодался. Сейчас дома мама уже зажгла электричество, папа вернулся с работы и переодевается, а на примусе шипит чайник. Папа, верно спрашивает: «Где Валя?» А мама отвечает: «Он ушел гулять с управдомским Костей и до сих пор не вернулся». Если бы они только знали, что их Валя никогда не вернется домой, что он умрет от холода и голода на необитаемом острове!

А что стало с Костей? После того, как плот перевернулся, Валя теперь впервые вспомнил о товарище.

Валя почувствовал тревогу. Он стал догадываться, что с Костей случилось непоправимое несчастье. В чем заключалось это несчастье, он не решался себе признаться. Но тревога его все росла и росла. Неужели Костя утонул? Не может быть! Костя, верно, добрался вплавь до берега, и бежит теперь мокрый домой, к своей маме.

Вале вдруг страшно захотелось увидеть Костю. Хотя бы на секунду, одним глазком. Только узнать, жив он, или нет. Как бы выбраться с этого проклятого острова? Валя побежал бы на розыски, созвал бы людей, и они нашли бы Костю, непременно нашли бы!

Валя вскочил. В воде он увидел какой-то темный круглый предмет, который плавал возле самого островка. Валя заинтересовался.

— Что это? — подумал он и опустил босую ногу в воду. Фу, как холодно! Он зацепил странный

предмет большим пальцем ноги и вышвырнул на берег.

Это была вымокшая Костина кепка.

Валя вдруг вспомнил, что у Кости карманы были набиты камнями. Они утянули его на дно. Он теперь знал наверняка, был уверен, что Костя утонул. Слезы хлынули из его глаз. В невыразимой тоске он выбежал на середину острова и закричал в темноту тонким, срывающимся от холода голосом:

— Костя! Костя! Костя!

В ПЛЕНУ

Костя очнулся и открыл глаза. Огромные огненные языки плясали вокруг него, гудя и свистя. Костина голова от боли раскалывалась на части. Он снова опустил веки, чтобы ничего не видеть. Но уже не мог избавиться от треска огня и шума голосов. Он слышал чей-то оживленный разговор и мало-по малу стал прислушиваться.

— Я встретил сегодня Петьку Березу, — сказал один голос. — Он говорил, что ночью будет облава.

— А нам что? — ответил другой. — Петьку выволокут из его бочки, а до нас не доберутся. Про оранжерею никто не знает.

— Этот нас выдаст, — произнес третий голос, который показался Косте знакомым.

Голоса смолкли, и Костя почувствовал, что на него внимательно смотрят. Он снова открыл глаза.

Свет костра прыгал по досчатым стенам. В покато-м потолке была дырка, через которую смотрела бледная звезда. Костя лежал на полу и рядом с ним горел костер, грея ему правый бок. Костер был разведен из сухих пальмовых ветвей, целыми грудями сложенных по углам. Над костром на проволоке висела черная кастрюля, в которой булькала кипящая вода. Три мальчика сидели вокруг костра и молча смотрели на Костю. Свет прыгал по их неподвижным закопченным лицам. Одного из них Костя сразу узнал. Это был Вислоухий. Его порванное ухо при свете костра казалось еще больше и свисало почти до плеча.

— Лучше бы он подох, — сказал Вислоухий, со злобой глядя на Костю. — Зачем его вытащили из воды? Он нас выдаст!

Костя чувствовал, что Вислоухий его ненавидит, но ему было все равно. У него болела голова, как будто в нее налили горящего керосину.

— Это Йоська тащил его из воды... — продолжал Вислоухий.

— Заткнись! — крикнул маленький худенький мальчик, из черных курчавых волос которого торчали желтые соломинки.

— Сегодня заткнись, а завтра нас всех в отделение... — вымолвил Вислоухий сквозь зубы.

— Дай ему в рыло, Тарас! — крикнул курчавый привыкшим командовать голосом.

Тот, который назывался Тарасом, медленно встал.

Он был широк и огромен. Кулаки его болтались как две гири. На бычьей шее сидела круглая рыжая голова. Крохотные глазки были почти незаметны на тупом безбровом лице. Он шагнул к Вислоухому. Вислоухий замолк, съежился и побледнел. И только рваное ухо его налилось от злобы кровью и стало похоже на сырое мясо.

Тарас замахнулся спокойно, словно машина.

— Оставь его! — сказал Поська и отвернулся.

Тарас опустил на свое место.

Костя шевельнулся. Его удивило, что он раздет. Он лежал голый, прикрытый сверху каким-то тряпьем. Тут только он заметил веревку, протянутую из одного конца сарая в другой, на которой висели его собственные штаны и рубашка. У огня стояли его башмаки. Вислоухий щелкнул по каблукам пальцами.

— Рубля два за них дадут, — сказал он, но сразу осекся, угрюмо взглянув на Йоську.

Из кастрюли валил пар. Йоська обернул руку тряпкой, снял с проволоки кастрюлю и слил с нее кипящую воду в угол сарая. Поставив кастрюлю рядом с костром на землю, он запустил в нее руку и вытянул большую картофелину. Тарас и Вислоухий сели рядом с ним и все трое принялись есть горячую разваливающуюся картошку. Костя окончательно пришел в себя и поднял голову.

— Очухался, — сказал Вислоухий. — Харя!

Все мигом обернулись к Косте. Костя молчал.

— Садись, ешь, — сказал вдруг ему Йоська и строго взглянул на Вислоухого.

Костя стал подниматься, но, вспомнив, что он голый, опустился опять.

— На! — крикнул Йоська, сорвал с веревки штаны и рубашку и кинул их Косте.

— Оставь хоть сапоги-то... — сказал Вислоухий, но Йоська швырнул Косте и башмаки.

Рубашка, штаны и башмаки почти высохли и были теплые от костра. Костя надел их и встал. Голова его болела немного меньше. Он, шатаясь, подошел к котелку и сел рядом с Йоськой. Вислоухий хмуро смотрел в землю. Йоська как бы нарочно, на зло ему, старался быть как можно ласковее с Костей.

— Бери и жри, — сказал он.

Костя вытащил горячую картофелину и стал глотать ее сладковатую желтую мякоть. Соли не было, но никто, казалось, не страдал от этого. Оборвыши ели с необыкновенной жадностью. Они молчали, поглощенные едой. Слышно было только чавканье.

Костя, хотя и очнулся, находился в каком-то забытии и видел все окружающее как сквозь туман. Он не замечал злобных угрюмых взглядов Вислоухого, который давился картошкой и пыхтел. Он не замечал, как двигались железные челюсти могучего Тараса, как покраснелось от еды тонкое бледное личико Йоськи. Прошло много времени,

прежде чем первые неясные вопросы зашевелились у него в мозгу.

— А я сегодня чуть не засыпался, — говорил Йоська. — Встретил инвалида, у которого в то воскресенье полтинник унес.

— Да ну? — сказал Вислоухий.

— Он стоял возле колбасной, где в прошлом году Тарас стекло высадил. Сам по себе стоял, без лотка.

— Узнал тебя?

— Что узнал! Если бы узнал — не беда! У него нога деревянная, не догонит. Он меня сзади за портки схватил. «Вора поймал!» кричит. Шумит на всю улицу.

— Ну! А ты что?

— Я вывернулся и ушел под ворота.

Вислоухий молчал.

— Будет облава, Йоська, — наконец сказал он. — Увидишь, будет облава!

Йоська свистнул.

— Нас не найдут, — проговорил он. — В оранжерею они не полезут.

— Выдадут нас, Йоська! Вспомнишь потом...

— Кто выдаст? — сердито спросил Йоська.

— Мало ли кто. Вот этот, хотя бы!

И Вислоухий покосился на Костю.

— Дурак! — крикнул Йоська.

Костя, поглощенный собственными мыслями, не слушал их дальнейшей болтовни. «Где я?» думал он.

«Как я сюда попал?» Он помнил воду, помнил, как он бился, завязнув в черной тине, как ему хотелось вздохнуть хотя бы один раз, как мучительно, жестоко, горько хотелось вздохнуть... Дальше он ничего не помнил, кроме головной боли.

— Хорошо собак воровать, — говорил Вислоухий, наевшись. — Породистых. Спрятать и ждать, когда хозяева награждение объявят. За других собак сто рублей дают...

— Где тебе собак воровать, — сказал Иоська. — Ты думаешь, я не видел, как ты сегодня удирали от собаки сторожа?

Вислоухий вспыхнул.

— Этой собаке не жить, — проговорил он. — Я воткну в хлеб иголку и дам ей сожрать. Она живо околеет!

Костя вдруг вскочил и обернулся к Иоське, бледный и взволнованный.

— Где Валя? — спросил он.

Он сказал это так громко и неожиданно, что Иоська вскочил и отшатнулся от него.

— Где Валя? — повторил Костя вне себя от тревоги. — Что с ним случилось?

— О ком это он? — растерянно обернулся к своим товарищам Иоська.

— Твой Валя карасей кормит! — крикнул Вислоухий и вдруг захохотал во все горло наглым отрывистым смехом, похожим на собачий лай.

Костя ясно вспомнил, как, падая, облокотился

он о Валино плечо, как плот подогнулся и как в воде он чувствовал под собою Валино тело. Через секунду Валя уже оторвался от него и исчез.

— Хо-хо-хо! — лаял Вислоухий, изгибаясь в восторге.

— Врешь! — крикнул ему Костя. — Врешь! — и прыгнул вперед, сжав кулаки. — Валя жив! Я пойду и найду его!

Толкнув Вислоухого в грудь, перепрыгнув через кастрюлю с картошкой, Костя кинулся к двери.

— Держи! — заорал Вислоухий и схватил его сзади за рубашку. — Он нас выдаст! Не пускайте его!

Костя повернулся, размахивая руками и пытаясь ударить Вислоухого. Но Вислоухий крепко вцепился в Костину рубашку и прятался у него за спиной. Так они вертелись перед самой дверью.

— Хватайте, хватайте его! Он уйдет! — визжал Вислоухий, чувствуя, что пальцы скользят по холсту рубашки. — Ударь его, Тарас!

У рыжего Тараса рот был полон картошки. Он медленно поднялся и схватил Костю за плечо, как раз в ту секунду, когда тот освободился от Вислоухого и уже открывал дверь. Одной ручищей Тарас поднял его в воздух, встряхнул, как пустой мешок, и швырнул на середину сарая. Костя упал ничком, перевернув кастрюлю и рассыпав горячую картошку по всему полу.

Тарас сел на него, продолжая жевать.

ПОБЕГ

— Бей его, Тарас!

— Не тронь!

— Бей его!

— Не тронь!

Вислоухий в дикой злобе прыгал вокруг Тараса, размахивая кулаками и подзадоривая его. Но Тарас слушался только Йоську. Этот тупой мальчик с воловьими мускулами был по-собачьему верен хилому Йоське, которого мог раздавить одним ударом кулака. Раз Йоська говорит «не тронь!», значит трогать не надо. Тарас не любил думать. За него думал Йоська. И он спокойно сидел на спине у Кости, дожевывая картошку и не обращая никакого внимания на злобную суетню Вислоухого.

— Пустите! — сдавленным голосом прохрипел Костя.

— Я его сам ударю! — взвизгнул Вислоухий и занес босую ногу над Костиной головой.

Но Тарас слегка хлопнул его ладонью по животу, и он, скорчившись, отлетел в угол.

— Пустите! — хрипел Костя.

— Если ты его отпустишь, нас завтра поймают, — кричал Вислоухий Йоське. — Нас ищут по всему городу и итти нам некуда. Он расскажет, что мы здесь, вот увидишь, расскажет.

— Я его не выпущу, — сказал Йоська.

Вислоухий вскочил.

— Куда же ты его денешь?

— В погреб, — ответил Иоська.

— В погреб?

— Он будет сидеть в погребе, пока мы здесь.

Вислоухий захохотал своим лающим смехом.

— Долго ему придется сидеть в погребе! — закричал он. — Ведь нам отсюда некуда идти!

Иоська шагнул в темный угол сарая и открыл низенькую скрипучую дверцу. Пахнуло сыростью, прелой соломой. Пламя костра слегка заколебалось. Иоська сделал знак Тарасу. Тарас встал, поднял Костю за воротник и поставил его на ноги.

— Отпустите! — закричал Костя. — Где Валя?

— Твой Валя утоп, — серьезно сказал Вислоухий.

— Он врет, — перебил его Иоська. — Я сам видел, как Валя выплыл на остров.

И, обернувшись к Тарасу, прибавил:

— Ну, тащи!

Тарас подвел Костю к дверце, пригнул ему сзади голову, чтобы он не ударился о верхнюю перекладину, и толкнул вперед. Костя шагнул, почва под ним оборвалась и он полетел вниз, в пустоту. Упал он на какие-то мягкие и гибкие прутья и сейчас же вскочил. Но дверь над его головой уже захлопнулась и он оказался в полной темноте.

В погребе было сыро и холодно. Расставив руки, Костя нащупал земляные, липкие стены. Погребом служила яма, вырытая возле сарая. Она, очевидно,

была покрыта общей с сараем крышей. Ярость овладела Костей. Он стал кричать, и кричал до тех пор, пока у него не заболело горло. Тогда дверь над ним приоткрылась и он увидел курчавую голову Иоськи.

— Не ори, — спокойно сказал Иоська. — Я тебе худа не желаю. Сам бы хотел тебя отпустить, да нельзя — нас ищут. А тебе волноваться нечего. Жрать будешь хорошо. Посидишь денек другой, а там, может, и выпустим.

Денек-другой! Костя подпрыгнул и ухватился руками за порог двери. Дверь погрсба находилась над уровнем земли, а пол значительно ниже этого уровня. Так что добраться без лестницы до двери было довольно трудно.

— Убери пальцы — придавлю! — крикнул Иоська.

Костя сорвался, упал и дверь над ним снова закрылась.

Первым его побуждением было добраться до двери. Дверь находилась высоко и, подпрыгнув, он мог коснуться только самой нижней ее доски. Чтобы подняться выше, он стал собирать в кучу валившиеся под ногами сухие прутья. На прутьях этих были длинные твердые листья, и по сладковатому запаху Костя догадался, что это ветви пальм. Он свалил их высокой горкой под дверь, но, взобравшись на ее вершину, не выиграл почти ни вершка — пальмовые ветви сразу осели под ним. Шаря в темноте по полу, он наткнулся на большой обтесанный

камень, глубоко вросший в землю. Тогда он стал вырывать из-под него ладонями сыроватую глину. Скоро камень был окопан со всех сторон. Он перевернул его и подкатил под дверь.

Стоя на камне, он свободно доставал руками до двери. Сжав кулаки, заколотил он по толстым доскам. Весь погреб наполнился гулом. Но дверь не поддавалась. Напрасно старался он выдавить ее. Дверь была заперта крепко и только камень колебался у него под ногами.

Костины руки покрылись синяками и ссадинами. Он в изнеможении свалился с камня на кучу пальмовых веток. Стало тихо. Только кровь стучала в висках. Редко-редко до Кости смутно доносился лающий смех Вислоухого. Но наконец и он умолк, — очевидно там, наверху, заснули. Костя вспомнил валину матросскую шапочку и заплакал. Он лежал на спине и горячие слезы текли по щекам, затекали в уши. Время тянулось бесконечно.

Вдруг Костя вздрогнул и сел. Ему показалось, что кто-то издали окликнул его. «Это Валя!» подумал он. «Нет, мне почудилось». И ему стало страшно.

«Бедный Валька!»...

Но звук повторился. Он, несмотря на полную тишину кругом, донесся так слабо, что Костя и на этот раз не был уверен, что ему не почудилось. Костя почувствовал, что он больше не в состоянии сидеть в этой темной яме, и поднялся на ноги. Прежде все свои усилия он направлял на то, чтобы открыть

дверь. Теперь он стал думать о других способах побега.

Он пошел от двери в противоположную сторону и наткнулся на стену. Подняв руки, он нащупал над собой доски. Потолок его тюрьмы был покатым. У двери он вздымался очень высоко, но здесь его без труда можно было достать рукой. Костя вернулся к камню, налег на него плечом и покатил через весь подвал. Камень был страшно тяжелый, и Костя несколько раз садился отдыхать, прежде чем докатил его до стены. Но вот камень перевернулся в последний раз, уперся в стену. Костя вскочил на него. Ему пришлось пригнуть голову, чтобы не ушибиться о потолок. В эту секунду он снова услышал чей-то далекий крик.

— Это Валька зовет меня! — прошептал Костя и со всей силы уперся руками в дощатый потолок.

Доски слегка подались. Взвизгнули гвозди, вылезая из бревен. Костя вздрогнул, боясь, как бы шум не разбудил его тюремщиков. Но все было тихо. Он надавил еще раз, понатужился и доски отскочили. Между потолком и стеной образовалась щель, сквозь которую он увидел узкую полоску темного звездного неба. Он ухватился за края руками, приподнялся и просунул в щель голову. Покатая крыша погреба спускалась до самой земли и костины глаза находились так низко, что кустики прошлогодней травы заслоняли от него даль. Ночная свежесть пахнула ему в лицо.

Прежде чем вылезать, Костя прислушался. Он ждал, что Валя снова позовет его. Теперь он ясно услышит его голос. Жадно напрягал он слух, но все было тихо. Только ожесточенный собачий лай доносился издалека.

Что же Валя вдруг замолчал? Или, может быть, он и не звал Костю? Может быть, Косте послышалось? Может быть, Валя действительно утонул?

Трепеща от беспокойства, Костя змеей выполз из-под крыши на волю. Он встал. За ним находился сарай, сквозь щели которого просвечивал огонек костра. За сараем темнела прозрачная громада оранжереи. Перед ним, шагах в двадцати, лежал пруд, в черных водах которого блестели звезды. Костя побежал к берегу.

У воды он остановился. Впереди, за гладью пруда, чернело какое-то косматое чудовище. Это был остров. «Костевалинск», вспомнил Костя. Он жадно вглядывался в него, стараясь заметить какое-нибудь движение. Ведь Иоська сказал, что Валя на острове. Но косматый остров казался совсем неподвижным. Костя хотел окликнуть Валу, но побоялся разбудить мальчишек и снова попасть к ним в руки.

Он молча пошел вдоль берега, не отрывая глаз от острова. Ему преградил путь забор, отделявший садик оранжереи от городского сада. Забор был высокий, дощатый, но возле самой воды две доски были вынуты. Это, очевидно, и была та лазейка,

сквозь которую Иоська, Тарас и Вислоухий проникали из оранжереи в сад. Костя нырнул в дырку и вышел в сад. Здесь он чувствовал себя в безопасности. Если мальчишки пустятся за ним в погоню, он может убежать. Над ним распростерли ветви огромные липы, набухшие почки пахли приторно сладко. Он пошел вдоль воды.

— Валька! — крикнул он негромко, но так, что на острове его непременно должны были слышать.

Никто не ответил. Костя прошел еще несколько шагов и крикнул громче:

— Валенька! Валя!

Опять нет ответа. Костя остановился, прислушался, потом сделал еще несколько шагов и заорал во всю глотку:

— Ва-аля!

— А-а! — ответило эхо в оранжерее.

Костя бежал вдоль воды, раздвигая низкие ивы. Прутья стегали его по лицу. Начинались предутренние сумерки, небо светлело. На посеребренной воде он увидел темный квадрат. Это был плот, неподвижно стоявший у подножья ракиты. На нем лежал шест, но не тот, который достал Костя из-под моста, а другой — короче и толще.

Костя прыгнул на плот и оттолкнулся от берега. Бывший крейсер «Буденный» поплыл, морщина перед собой воду. Костя работал с лихорадочной поспешностью. Остров, совсем уже посветлевший, казалось, плыл навстречу ему. Плот зашуршал и подошел к

острову. Костя соскочил на землю и побежал между верб, крича:

— Валя! Это я! Выходи! Где ты?

В одну минуту обежал он остров кругом. Но никого не нашел. Он ринулся в середину острова, ломая на бегу кусты. Растерянно смотрел он по сторонам.

— Что это?

Он нагнулся и поднял с земли свою собственную фуражку. Это его удивило. Фуражка была еще мокрая, а между тем лежала шагах в пяти от воды. Костя напялил ее на голову и продолжал поиски.

Вали на острове не было.

Костя стоял, смотря на зарю, расцветающую за оранжереей. Пронзительно пели птицы. Ночь кончилась.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Трудно сказать, сколько времени Костя провел на острове. Он и сам потом не мог этого припомнить. Мысли и силы оставили его. Вали он не нашел. Теперь, после бессонной ночи он чувствовал только тупое утомление и равнодушие ко всему. Он стоял, смотря на зарю, охватившую уже полнеба, и ни о чем не думал.

Но, наконец, из этого оцепенения его вывел шум. За проливом, отделявшим остров от оранжереи, он вдруг увидел Йоську, который бегал вокруг своего сарая.

— Сбежал! сбежал! — кричал Йоська, останавливаясь возле продырявленной крыши.

— Дурак! — услышал Костя озлобленный голос Вислоухого. — Да ты нас зарезал, дубина. Ты... ты... ты...

Вислоухий выскочил всклокоченный и красный и остановился, размахивая руками перед йоськиным лицом.

— Я думал... — начал было Йоська.

— Ты думал! Твоей головой гвозди заколачивать, а не думать. Ты дал ему сбежать, когда нас ищут по всему городу, когда нам некуда больше идти. По-твоему, за разгром магазина нас по головке погладят? А за кражу трех чемоданов на Варшавском вокзале? А за лоток инвалида? По-твоему, они не знают, кто всю зиму в Пассаже по карманам шарил? Мне противно смотреть на твою харю...

— Он, может быть, нас не выдаст, — неуверенно сказал Йоська.

— Еще бы! Не выдаст! Ха-ха-ха! — залаял Вислоухий. — Да он не может нас не выдать! Понимаешь, скотина? Он только и бредит тем, как бы найти того мальчишку, который катался с ним на плоту. Он пойдет искать, подымет шум, соберется милиция, обыщут весь пруд... И ты его отпустил!

— Я вовсе его не отпускал, — возразил Йоська. Я запер его в погреб. Я думал, что из погреба удрать нельзя.

— Ты думал! А что ты думал, когда вытаскивал

его из воды? Я говорил тебе — пусть он утонет. Нет, тебе непременно нужно было спасти его и погубить нас! И зачем я с тобой связался?

Но последних слов его Йоська не слушал. Он отвернулся и смотрел вдаль, в сторону пруда. Когда Вислоухий выболтал все свои угрозы и ругательства, он спокойно сказал:

— Я его верну.

— Вернешь? — взвизгнул Вислоухий и захохотал. — Как же ты его теперь вернешь? Да он сейчас сидит в милиции и рассказывает о нас с тобой. Нет, ворочать его поздно!

— Он сидит не в милиции.

— А где?

— На острове. Вон! Гляди!

Вислоухий обернулся и увидел Костю. Камень взвился над прудом, прошуршал возле самых Костиных ног и исчез в кустах. Но Косте было все равно. Вали на острове нет — значит он утонул. Все остальное его не интересовало. Он слышал голоса Вислоухого и Йоськи, но думал не о них. Увидев, что Вислоухий подымает с земли второй камень, он повернулся и медленно побрел к плоту.

— С ним надо разделаться сейчас же, — сказал Вислоухий. — А то сегодня понедельник и часа через два сюда явятся рабочие чистить дорожки и сажать липы. Тогда он уйдет наверняка.

— А как же мы с ним разделаемся? — спросил Йоська.

— Окончательно! — ответил Вислоухий и глаза его зловеще вспыхнули. — Беги, буди Тараса, а я пока не дам ему влезть на плот.

Иоська юркнул в дверь сарая. А Вислоухий побегал по берегу пруда, поминутно нагибаясь и подбирая камни. Он нырнул в дырку дощатого забора и выбежал в сад. Во весь дух пустился он по откосу над прудом. Он снова увидел Костю как раз в ту минуту, когда тот спокойно спускался на плот. Вислоухий сбежал вниз и остановился возле самой воды у ракиты. Взылся камень и упал подле самого плота, всплеснув воду и обрызгав Костю. Но Костя даже не поднял головы. Он неторопливо отпихнулся шестом от острова.

Такого бесстрашия Вислоухий не ожидал. Ведь Костя был уже один раз проучен за попытку плыть на плоту под ураганом камней. Ну, что ж, пусть плывет! И камни градом посыпались в воду.

Но попасть в цель на таком расстоянии было нелегко. Камни пролетали над Костиной головой, ударялись о доски плота. Один камень даже чуть не вышиб шеста из его рук. Но сам Костя оставался неуязвим и спокойно вел плот к берегу.

«А что, если он пристанет прежде чем Иоська приведет Тараса?» подумал Вислоухий и им овладела тревога. Он стал швырять камни еще яростнее, но беспокойство и нетерпение мешали ему целиться и он попрежнему не попадал, несмотря на то, что Костя теперь находился гораздо ближе.

Костя видел Вислоухого и понимал, что подвергает себя большой опасности, плывя по пруду, под градом камней. Но тоска, поселившаяся в его сердце, тоска о погибшем товарище была так велика, что весь мир он видел как сквозь сон. Для чего ему бороться с Вислоухим, бояться Вислоухого, раз Вали не существует? И он спокойно плыл вперед, не обращая внимания на камни, которые сыпались вокруг него в воду.

Вислоухий только один раз попал в него, когда Косте оставалось до берега не больше сажени. Это был последний камень Вислоухого — карманы его опустели. Он сдержал свою злость, мешавшую ему попадать, и старательно прицеливался. И все же камень пролетел слишком низко и ударил Костю по ноге под коленкой. Костя поджал под себя ушибленную ногу, подпрыгнул, но шеста не выпустил. Еще немного, и с плота можно будет без труда перескочить на берег.

У Вислоухого не оставалось ни одного камня. Он схватил комок сухой глины, валявшейся на земле, и швырнул его в лицо Кости. Но глина рассыпалась еще у него в руке и тучей пыли взлетела в воздух. Пыль была такая густая, что даже сам Вислоухий невольно зажмурился. Плот бесшумно коснулся земли.

Когда пыль рассеялась, Вислоухий увидел прямо перед собой Костю, который почти касался его лица вытянутым вперед шестом. Вислоухий невольно отпрянул. Он слишком хорошо помнил свою вчерашнюю драку с Костей, чтобы рискнуть сразиться

с ним один-на-один. Растерянно он обернулся и только теперь заметил Тараса и Иоську, бегущих к нему на помощь.

Тарас бежал лениво, потягиваясь и зевая на бегу. Он еще не совсем проснулся. Курчавый тоненький Иоська обогнал его и первый спустился по откосу вниз к Вислоухому. Тарас грузно бежал за ним. Костя попрежнему стоял посреди плота с шестом в руках.

— Что с ним делать? — вполголоса спросил Иоська Вислоухого.

— Потопим, — прошептал Вислоухий.

Тарас радостно захохотал, но вдруг замолк, не зная, как Иоська отнесется к предложению Вислоухого. Иоська молчал. Они трое стояли перед Костей, не зная, с чего начать. На плоту Костя казался неуязвимым. Никто из них первым не решался прыгнуть на плот.

Но Костя сам вывел из затруднения. Он внезапно шагнул вперед и спокойно вышел на берег. Он с таким равнодушием выпустил из рук шест, что глубоко поразил своих врагов.

Вислоухий обхватил его шею руками и прижал головой к своей груди. Костя дернулся с такой силой, что Вислоухий едва удержался на ногах. Но добычи не выпустил.

— Хватайте его за ноги! — крикнул он товарищам.

Тарас поднял Костины ноги. Костя задыхался в объятиях Вислоухого. В глазах у него помутнело.

Щекой он чувствовал горячую грудь врага. Он попробовал брыкнуть ногами, но ноги его были зажаты в руках Тараса, как в железных тисках.

— Раскачивай, и в воду! В воду! — кричал Вислоухий.

Костя почувствовал, что его раскачивают. Задыхаясь, наткнулся он ладонью на лицо Вислоухого и закрыл ему глаза.

— Швыряй его в воду! — хрипел Вислоухий.

Но, вместо этого, Тарас вдруг выпустил Костины ноги. Костя нашел точку опоры, неожиданно рванулся вперед и Вислоухий упал. Костина ладонь закрывала ему глаза, и он не видел, что произошло.

— Держите его! — крикнул он, но ему никто не ответил.

Костя бил его рукой и коленом. Долго барахтался под ним Вислоухий. Наконец, ему удалось вывернуться и вскочить на ноги.

— Тарас! — закричал он.

Но к ужасу своему, обернувшись, он увидел, что Тарас и Йоська бесследно исчезли. По откосу спустился высокий милиционер. Он шел прямо на Вислоухого. Два других стояли наверху и смотрели вниз.

Вислоухий кинул Костю и прыгнул в сторону. Его рваное ухо болталось на-бегу, как тряпка. Но не успел он проскакать и десяти шагов, как милиционер крепко схватил его за руку.

— Один есть!

И, оглядев Вислоухого с ног до головы, проговорил:

— Ухо разорвано. Так, так. Он самый! А где остальные два?

— Вот один, — сказал Вислоухий и кивнул головой в сторону Кости, который спокойно стоял возле плота. — А другой уже давно убежал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— Врешь! — раздался сверху громкий голос.

Милиционер, уже подходивший к Косте, поднял голову.

На откосе стоял старик, в высоких сапогах. с ружьем за плечами. Он курил и желтый махорочный дым путался в седой бороде, в пушистых усах.

— Врешь! — говорил он Вислоухому. — Этот мальчик не из ваших. Я вас всех троих знаю.

— А вы кто такой? — спросил милиционер.

— Я здешний сторож, — ответил старик. — Этот мальчик не при чем, товарищ. Те два, которых вы ищете — убежали. Я сам сейчас видел, как они крались по саду.

Вислоухий рванулся и завертелся на руке у милиционера. Но это ни к чему не привело. Милиционер поволок его вверх по откосу.

— А этого мальчика я отведу к себе, — сказал сторож и взял Костю за руку. — Пойдем!

Они вдвоем шли по пустынному саду. Начинаясь теплый солнечный день. Вот сквозь ветви стала видна

зеленая крыша сторожки. Они прошли по гулкому мостику и подошли к крыльцу.

Из будки с громким лаем выскочил белый пес. Костя спрятался за спину сторожа.

— Молчи, дурак! — прикрикнул на него сторож. — Это свои.

Пес подкочил, лизнул хозяина в бороду, потом радостно скуля обнюхал его сапоги.

Щелкнул замок, сторож открыл дверь сторожки. Костя вошел в душную маленькую комнату. Он сперва ничего не мог разглядеть в полутьме. Но скоро глаза его привыкли. В углу он увидел кровать, укрытую овчинным тулупом, в роде тех, в которых дворники дежурят зимой по ночам. Из-под тулупа торчал вихор волос.

— Посмотри, — сказал сторож и откинул край тулупа.

Костя увидел сонное детское лицо.

— Было уже за полночь, когда я его снял с острова, — говорил сторож. — Он долго не засыпал, все рассказывал о тебе, все беспокоился, не утонул ли ты.

— Валя! — прошептал Костя, задыхаясь от радости. — Валя!

Но Валя крепко спал.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	СТР.
I. Белый пес	3
II. Поединок	12
III. По морям	16
IV. Робинзон	25
V. В плену	31
VI. Побег	39
VII. Последняя схватка	46
Заключение	54

30 коп.

